

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ*

Аннотация. В статье рассматривается жилищная подсистема российского общества, многие десятилетия функционирующая на основе абсолютного доминирования в ней института государственного обеспечения, благодаря чему государство обеспечило себе позиции монопольного распределения жилья в обществе. Фактически жилищная политика в советской и постсоветской России была и остается политическим инструментом официальной власти, используемым в ней в своих интересах.

Ключевые слова: социальная политика, жилищная политика, строительство и распределение жилья, монополия, «военный коммунизм», «оттепель», «застой», коррупция.

Проблема обеспечения граждан доступным и достойным жильем в любой стране является краеугольным камнем социальной политики, и уровень, на котором эта проблема решается, непосредственно отражает заботу власти о благосостоянии граждан и, как следствие, о благополучии общества в целом.

Сегодня, как и сто лет назад, жилья в России не хватает. Его не хватало в начале прошлого века, когда Россия, очнувшись от феодальной спячки, ринулась догонять экономически передовые страны, перегоняя из аграрного сектора в промышленный значительную часть населения, необеспеченного жильем; не хватало после Первой мировой войны, октябрьской революции и гражданской войны, когда материальные и финансовые средства были исключительно ограничены; не хватало в годы индустриализации и предвоенные годы, когда эти средства направлялись на развитие тяжелой индустрии и создание мощной военно-промышленной базы; не хватало после Второй мировой войны, когда весь производственный потенциал страны работал на восстановление разрушенного войной народного хозяйства; не хватало в 60-80-е годы, несмотря на ускоряющийся ритм домостроительных комбинатов (ДСК), штамповавших однотипные дома-близнецы; не хватало в 90-е годы, когда социальные и политические трансформации в российском обществе отодвинули жилищные программы даже на второй план, и они фактически подверглись забвению; не хватает сейчас, несмотря на приоритетные национальные проекты и программы. В

итоге хронический жилищный кризис преследует Россию второе столетие. В чем его причины? Будет ли он разрешен в обозримом будущем, и можно ли его разрешить в нашей стране вообще?

Представляется, что суть жилищной проблемы или жилищного кризиса, что для практики советского и постсоветского жилищного строительства не имеет принципиальной разницы, состоит не в том, что жилья хронически не хватает, а в том, что жилищная подсистема российского общества многие десятилетия функционировала на основе абсолютного доминирования в ней института государственного обеспечения. Именно институт государственного обеспечения жильем намертво приковал людей к государству, поставив их в прямую зависимость от условий, масштабов, темпов и т.д. государственного жилищного строительства и создав уникальную ситуацию социального иждивенчества населения, которое уже не мыслит улучшения своих жилищных условий без опоры на государство.

Жилищный вопрос в России в его современном понимании уходит своими корнями в реформы 60-х гг. XIX века, позволившими ей стать на рельсы экономической и социальной модернизации и значительно ускорившими ее социально-экономическое развитие. В его решении условно можно выделить три исторических периода: до октября 1917 года, когда Россия развивалась на основе многоукладной экономики и рыночных отношений; после октябрьской революции 1917 года до начала 90-х гг. XX в., когда политическое руководство в стране в соответствии с марксистским учением держало курс на строительство централизованно управляемой экономики; с 90-х гг. ушедшего столетия до настоящего времени, когда радикальные реформы во всех сферах общественной жизни вновь вернули Россию к рыночным отношениям. Общим в исторических перипетиях решения жилищного вопроса в России является то, что в каждом из выделенных периодов главную роль играла политическая идеология, которой придерживались царское, советское и постсоветское правительства.

Интересующий нас второй период поистине уникален, поскольку он характеризует опыт государства, централизация экономики в котором неизбежно привела к централизации жилищного хозяйства, превратив его в хозяйство «жилищно-коммунальное». Без анализа и понимания этой

* © Камолов С.Г.

уникальности невозможно понять и те проблемы, которые стоят сегодня в реализации жилищной реформы в постсоветской России.

Первые декреты и постановления Советской власти определили содержание всей последующей политики советского государства в области жилья, радикально меняющие формы собственности на жилище. Уже в конце октября 1917 года постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» [1] был разрешен жилищный передел: городские самоуправления получили право вселять в пустующие квартиры нуждающихся в жилье граждан. Последующие декреты отменяли право частной собственности на недвижимость в городах посредством муниципализации и национализации. Муниципализации подлежали все жилые здания, за исключением жилых строений, составляющих необходимую принадлежность промышленных предприятий [2] (они переходили в собственность государства вместе с промышленными предприятиями, оставаясь в их распоряжении и эксплуатации). Результатом этих декретов стал повсеместный вывод жилища из гражданского ведения и их сосредоточение в руках государства. Таким образом, жилищное (городское) строительство по решению советского правительства стало исключительной прерогативой государства: только государственные органы вправе были решать, где, сколько и какого качества следует строить.

Иными словами, содержание жилищной политики сразу после Октябрьской революции 1917 года определялось несколькими факторами, главный из которых связан с политической идеологией советской власти, в которой стержнем было огосударствление собственности, «экспроприация экспроприаторов», ликвидация всей капиталистической системы хозяйствования в целом, в том числе и ликвидация жилищной собственности – не только крупные городские жилые дома, но и отдельные квартиры и жилые помещения богатых должны были отойти в собственность государства.

Подчеркнем: с самых первых своих шагов советская власть проводила в жизнь идею централизации управления. Изначально в этом нет ничего плохого: последствия войн, революций, политики «военного коммунизма» были катастрофическими не только сами по себе, но и для состояния «жилищного вопроса». Централизация управления в этих условиях вполне может быть оправдана. Другой вопрос, как она осуществлялась и в каких целях. Строгая централизация всех вопросов, связанных с жильем, установление нормы жилой площади, реквизиция помещений для размещения правительственных и общественных учреждений, введение системы ордеров, вселе-

ний, выселений и «уплотнений», проводимые административными мерами, ленинские антиэкономические декреты 20-х годов об освобождении от оплаты за продовольствие, транспорт, топливо и жилье [3], приобретающее политическую окраску, и не изжитое до настоящего времени проживание руководящих партийных и государственных работников в государственных домах с низкой оплатой стоимости проживания, абсолютная незаинтересованность жильцов, вселившихся в «буржуйские дома», в сохранении своего жилья и его фактическая бесхозность – это лишь малая толика того, к чему привело огосударствление в жилищном вопросе в самом начале революционного преобразования «старого мира» в стране победившего пролетариата. Переход к новой экономической политике (НЭП) стал объективным свидетельством несостоятельности и иллюзий о том, что ликвидация частной собственности и рыночных отношений автоматически приведет к решению всех социальных проблем, в том числе жилищного вопроса. Чем закончился НЭП – общеизвестно.

Почему же тогда государство столь целенаправленно проводило политику централизации управления во всех сферах жизнедеятельности общества? Ответ на этот вопрос несложен: политическая власть должна обладать монопольным правом определять, что, кому и сколько причитается, а граждане должны ждать, пока государство выделит то, что им полагается согласно принципам социализма. Наглядным подтверждением этого является знаменитое Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 года «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах», которое окончательно подвело черту под жилищной политикой НЭПа, разрешавшей демуниципализацию жилья, создание коллективного кооперативного собственника для управления многоквартирными домами в лице Жилищных товариществ и Жилищно-арендных кооперативов и даже право выкупа последними в кооперативную собственность арендуемых ими муниципализированных жилищ путем зачета арендной платы в погашение стоимости дома.

В указанном Постановлении фактически была сформулирована суть новой жилищной политики периода консолидации тоталитарного режима: власть не намерена терпеть существование каких-либо «бесконтрольных» объединений граждан, тем более в такой важнейшей для любого человека области, как жилье. Именно поэтому данное Постановление отменяло все нормативные акты, направленные на поддержку жилищной кооперации. Непосредственное управление государственным жилищным фондом и полная ответственность за его сохранность возлагалась на местные Советы

и на государственные учреждения и предприятия в отношении домов, находящихся в их ведении (что породило новую, дошедшую до наших дней проблему «ведомственного жилья»). Местные Советы должны были организовывать жилищные управления, но подчинялись последние не им, а специально созданной властной вертикали – управлениям жилищного хозяйства краевых и областных исполкомов, наркоматов коммунального хозяйства республик. Таким образом, Постановление 17 октября 1937 года решало политическую задачу: весь жилищный фонд должен использоваться исключительно в интересах власти.

Практика централизованной государственной жилищной политики, наложившаяся на трудные предвоенные и исключительно тяжелые военные и послевоенные годы, не могла не обострить и без того кризисное положение в области обеспечения населения жильем, получение которого в эти годы полностью зависело от властных структур. Сталинская жилищная политика, сформировавшаяся в довоенные годы и окончательно оформившаяся в середине 40-х годов, может быть определена только как тоталитарная. Каковы характерные черты этой политики?

1. Государствоцентризм, этатистский подход к решению жилищных вопросов.

Государство не только взяло на себя решение жилищных проблем граждан, но и, по сути, присвоило себе право самостоятельно (без учета их мнения) формулировать эти проблемы. Государство «оформляло запрос» от имени трудящихся и его удовлетворяло, отстранив гражданина от обоих процессов. Причем во главу угла при формулировке целей, формировании и осуществлении жилищной политики ставились исключительно интересы государства, а непосредственные интересы граждан практически игнорировались.

Показательными в этом отношении являются решения, принимаемые верховной властью в стране в конце 40-х годов. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов» содержал ряд положений, действительно позволявших ускорить решение жилищной проблемы за счет формирования правового механизма, регулирующего право граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов с соответствующим отведением для этих целей земельных участков. Но уже 2 февраля 1949 года очередным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР [4] статьи, устанавливавшие право застройки и регулировавшие отношения по застройке, признаны утратившими силу, и право застройки как самостоятельное вещное право перестало существовать [5]. Таким образом, по сути, была ликвидирована какая-либо юридичес-

кая база для частного предпринимательства, осуществления гражданских договорных отношений в сфере жилищного строительства и свободного распоряжения жилыми помещениями. Социально-политическим последствием реализации этой меры стало исчезновение прослойки застройщиков и ликвидация всех остатков рынка жилья.

2. «Экономический прагматизм».

В послевоенные годы проблема восстановления жилищного фонда решалась, по преимуществу, на основе политики «экономического прагматизма»: за счет удешевленного многоэтажного строительства. Следует отметить: экономический прагматизм оказался в определенной степени эффективным – разрушенный жилой фонд страны к началу 50-х годов был практически восстановлен. Тем не менее, решить задачу обеспечения населения благоустроенным жильем не удалось, поскольку вновь построенные 102,8 млн. кв. м. жилья в городе и 2,7 млн. домов в деревне не сняли проблему обеспечения жильем 25 миллионов человек, лишившихся его во время войны. Кроме того, индустриализация вызывала непрерывный рост городского населения (если в 1913 году оно составляло 18% всего населения страны, в 1940 году – 33%, а уже в 1959 году – 48 %) [6].

Вне пределов интересов государства некоторое время оставались лишь небольшие земельные участки в селах. Только вдали или, как минимум, в удалении от центральных городов, сохранялся некоторый простор для реализации гражданами частного права на то, чтобы обзавестись своим жильем. Поэтому в селах индивидуальная застройка продолжалась, но она осложнялась дефицитом строительных материалов и рабочей силы, поскольку практически все трудоспособное население было занято на восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

3. Социальное неравенство в распределении квартир.

Построенное в городах жилье распределялось в соответствии с государственными же интересами. Комфортабельные квартиры в центрах городов предоставлялись технической и творческой элите, большая же часть горожан заселялась и проживала в бараках и «коммуналках», которые стали неотъемлемой чертой городов послевоенного времени.

4. Устранение граждан от управления своим жильем.

Еще до войны инструментом управления жилищным фондом стали управления домами, отстранив граждан от процесса принятия решений. В результате, несмотря на то, что в 30-е - 40-е годы государство как хозяин жилищного фонда действовало еще достаточно эффективно, уже в этот период начали проявляться первые призна-

ки бесхозяйственного, безразличного отношения граждан к своему жилью. Результат не замедлил сказаться – проводимая государством этатистская жилищная политика вызвала нарастание двух тенденций: социальной апатии граждан, встречавших препятствия со стороны государства в решении своих жилищных проблем (вплоть до прекращения этих попыток), и формирование «психологии временщика», проживающего в доме, но не являющегося его ответственным и полноправным хозяином, поскольку граждане оказались устраненными от управления жильем.

5. *Влияние национальной политики на жилищную политику.*

Одной из постоянных мер национальной политики тоталитарного режима бала депортация социальных групп и целых народов. Особенно эти процессы усилились с начала 1930-х годов. До середины 1950-х годов депортациям подверглись 15 народов и более 40 народностей. Около 3,5 млн. человек были изгнаны из родных мест, многие погибли во время депортации [7], более 800 тыс. депортированных оказались в Сибири [8]. Дома, квартиры и комнаты, в которых проживали депортированные до переселения, конфисковались, после чего ими распорядилось государство. Сами же депортированные лица, добравшиеся до места назначения, практически не имели возможности решить жилищную проблему. В 1940 – 1949 гг. большинство депортированных жили в землянках, непригодных к зимним условиям бараках и складах и даже помещениях для скота. Небольшая часть депортированных подселась в дома местных сельских жителей, что приводило к большой скученности, осложнению жилищных условий коренных жителей и нарастанию вражды. По инструкциям НКВД, спецпереселенцы должны были обеспечиваться жильем из расчета три квадратных метра на человека. На самом деле (в частности, в Сибири) в среднем приходилось по одному квадратному метру на спецпереселенца. К 1950 г. в Алтайском крае собственные дома имели 43% спецпереселенцев. У калмыков этот показатель равнялся 55%, у немцев – 46%. Однако большей частью это были домики из глины и соломы [9].

К концу 40-х годов спецпереселенцы были фактически «прикреплены» к местам поселения [10]. Если переселяемые прибывали в сельские местности, паспортов им не выдавали: они проживали на общих основаниях с другими гражданами без паспортов; а если переселенцы прибывали в такие местности с паспортами – их изымали. После проведенной в 1948–1949 гг. всесоюзной перерегистрации спецпереселенцев всем депортированным было запрещено самовольно покидать места спецпоселений. Таким образом, цинизм проводимой политики заключался в том, что депортации

усугубляли жилищные проблемы там, куда прибывали спецпереселенцы, но одновременно за счет конфискованного у депортированных жилья способствовали разрешению жилищной проблемы в местах, откуда они выселялись.

6. *Осуществление приоритетной реализации так называемых «социалистических принципов развития города»* (J. Vater. 1980), к числу которых относились: национализация всех ресурсов (включая землю); плановое, а не рыночное использование земли; превалирование коллективного над частным; доминирующая роль общественного транспорта; явные ограничения на развитие и рассредоточение розничной торговли; плановая индустриализация как главный фактор городского роста; ощутимая роль города как агента направляемого социального и экономического изменения в отсталых и пограничных регионах; наличие серьезных ограничений в персональном выборе места проживания и свободе миграции; управляемая урбанизация и плановое развитие городов в соответствии с направлениями государственной политики [11]. Эти принципы развития советских городов, довольно четко обозначившиеся в 30-40-е годы XX века, в последующие периоды (вплоть до 90-х годов XX века) определяли приоритетное направление городской жилищной политики и тенденции развития города. Некоторые из них остаются все так же значимыми до сих пор и накладывают свой отпечаток на стратегии развития российских городов.

В 50-е гг. перед руководством страны во главе с Н.С.Хрущевым встала задача формирования и осуществления новой жилищной политики. Ключевым императивом ее стала массовая индустриальная застройка жилья. В стране произошла «жилищная революция»: за десять лет «хрущевской оттепели» было построено более 13 тысяч пятиэтажек, благодаря чему не только были расселены бараки и коммуналки, но и большинство нуждающихся приобрели долгожданное жилье. Впервые за годы советской власти был реализован *приоритет посемейного заселения квартир*, что было исключительно важным: до начала 50-х годов жилищный фонд столицы, к примеру, на девять десятых состоял из коммуналок [12]. «Политика пятиэтажек» оказалась, как это ни парадоксально, самой социально ориентированной жилищной политикой в истории России. Она изменила гражданское самосознание населения. Едва ли не впервые в советской истории человек осознал себя не средством, а целью государственной политики. Реализация хрущевской жилищной стратегии позволила достичь значительных результатов за сравнительно небольшой промежуток времени. Только за период 1959-1963 гг. было сдано жилья в 3,16 раза больше, чем за период

1918-1940 гг., в том числе за один 1960 г. было сдано 70% жилья от ранее построенного в СССР в течение того же периода [13].

Казалось бы, ключ к решению жилищной проблемы найден: *функционирование института государственного обеспечения в жилищной системе параллельно с институтом частного предпринимательства*. Однако именно здесь таится опасность потери всемогущества власти в вопросах обеспечения населения жильем: жилищный вопрос должен иметь остроту, а спрос на жилье должен быть абсолютным, иначе монополия власти будет разрушена. Поведение человека, обретшего жилье через ЖСК, радикально отличается от поведения человека, который терпеливо ждет бесплатные квадратные метры от государства: первый относительно свободен и инициативен, второй закабален и послушен. Владелец кооперативного жилья может не только передавать его по наследству – он обладает большей возможностью перемещения в условиях повсеместного закрепления проживания граждан по месту прописки. Не случайно к началу 70-х годов было заметно снижено строительство кооперативного жилья, а общие объемы финансирования в жилищное строительство имели ярко выраженную тенденцию к снижению. Вести самостоятельное жилищное строительство было разрешено только крупным организациям и лишь после утверждения проекта на генплане города.

Свернутая «оттепель» сменилась «застоем». Новая жилищная политика, нашедшая отражение в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 года «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства», имела очень неоднозначные социальные последствия. Но наиболее важным негативным последствием реализации указанного Постановления стал резкий рост злоупотреблений служебным положением в сфере административного и ведомственного управления. Именно это Постановление создало качественную основу для коррупции в сфере жилищного строительства.

Почвой для административных злоупотреблений было само распределение жилья по номенклатурному типу, создававшее дополнительные списки безмолвных очередников. Именно в этот период создаются политические предпосылки для формирования так называемого «нового класса» – партийной и ведомственной номенклатуры, которая монополизировала всю власть в принятии решений в своих руках и превратилась в советскую олигархию. Если учесть, что сама система плановой экономики, основанная на валовых показателях и «освоении» плановых бюджетных средств, постоянно воссоздает почву для злоупотреблений, то станет ясно, почему ни последующие

нормативные акты, ни «показательные процессы» над «растратчиками» уже не могли приостановить нарастающую коррупцию в сфере государственного администрирования жилищной политики: коррупционные механизмы, приняв в систему государственного управления, фактически заменили собой элементы и механизмы самой системы. Именно поэтому коррупция до настоящего времени разъедает функциональную основу государства и политической системы в целом.

Немаловажную роль играла и некоторая переориентация строительства жилых зданий: в 70-е гг. строилось примерно в 5 раз больше общежитий и ведомственного жилья, то есть такого жилья, которое не принадлежало конкретно проживающим в нем лицам. Одновременно появилось так называемое «элитное жилье», подчеркивавшее социальный статус его владельцев, но распределялось оно также на безвозмездной основе. В результате дифференциация населения на «простых смертных» и «избранных» при распределении жилья усилилась, а само распределение вновь стало одной из важнейших функций на всех уровнях государственного управления. При этом бесплатная раздача жилья для первых не учитывала потребительский спрос и не давала права элементарного выбора – стандарт везде одинаков, а элитное жилье уже само по себе хорошо.

Что касается жилищной политики периода перестройки, то изначально одной из основных проблем реализации этой политики стало несоответствие намеченных приоритетов и поставленной цели: цель государственной политики была сформулирована позднее выработки основных направлений. Причем сама цель была нереализуема, поскольку в качестве таковой выступало обеспечение каждой семьи отдельной квартирой к 2000 году. Эта цель, сформулированная в государственной программе «Жилище - 2000», с самого начала объективно не могла рассматриваться иначе как утопическая и даже шапкозакидательская. Ее постановка никак не соотносилась ни с реальным состоянием жилищной сферы, ни с оценкой ресурсного потенциала государства, поэтому сама цель была и оставалась ничем иным как политическим лозунгом. Преодолеть дефицитность жилья без изменения системы распределения, только наращивая объемы строительства, невозможно, ибо дефицит в значительной мере – следствие системы распределения.

В общем итоге, к основным чертам жилищной политики периода середины 60-х – середины 80-х годов следует отнести:

1) постепенный переход от реальной социальной нацеленности жилищной политики к политическим декларациям и лозунгам. Тезис «каждой семье – отдельную квартиру» остался

политическим лозунгом, так и не став ни социальным проектом, ни конкретной программой, обеспеченными в экономическом отношении, одним из самых знаменитых советских лозунгов периода громких политических деклараций в условиях социально-экономической стагнации. В результате такой «шапкозакидательской» политики, к началу перестройки в СССР в очереди на получение жилья состояли 14 млн. семей (40 млн. человек). Наибольшее число нуждающихся находилось в РСФСР – более 8 млн. семей. При этом 30 млн. кв. метров (17% всего жилищного фонда России) оказалось размещенным в ветхих и аварийных строениях, более 14% государственного и муниципального жилищного фонда России нуждалось в неотложном ремонте [14];

2) в распределении жилья все более значимую роль стал играть номенклатурно-олигархический принцип, что наложило отпечаток и на сознание граждан. В нем сложился и постепенно укрепился стереотип «льготы номенклатуры». Уже в период рыночных реформ начала 1990-х годов стереотип «льготы номенклатуры» очень активно использовался самой номенклатурой для отвлечения общественного сознания от важных политических шагов;

3) формирование в общественном сознании и стратегиях общественного поведения стереотипов патерналистского отношения к жилищной политике государства (жилье получают вне зависимости от личных усилий), гражданской апатии (повлиять на «ход» жилищной очереди практически невозможно), бесхозяйственного отношения к жилью (жилье не мое – государственное, государство дало, пусть оно о нем и заботится);

4) доминирование административно-командного способа принятия решений в сфере жилищной политики;

5) нарастание коррупционных явлений жилищного строительства и распределения жилья (возникшие на экономической почве планового нерентабельного советского хозяйства).

Таким образом, на всех этапах исторического развития основной тенденцией в жилищной политике было стремление государства обеспечить себе позиции монопольного управления распределением жилья, ориентируясь при этом на достаточный для удержания и укрепления политической власти уровень социальности жилищной политики. Соответственно, пассивность гражданского общества (обусловленная такими компонентами политической культуры общества, как патернализм, апатия, социально-политический нигилизм, посттоталитарный страх), с одной стороны, и наличие у государства дополнительных рычагов воздействия на социально-политическую обстановку (включая информационно-пропа-

гандистский), с другой стороны, воспринимаются представителями государственной политической элиты как достаточные условия сохранения социально-политической стабильности и позволяют не пересматривать стратегию социальной политики вообще, и жилищной политики в частности, используя последнюю как исключительно эффективный политический инструмент всех социально-экономических, политических и социокультурных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СУ РСФСР. – 1917. - №1. – Ст.14. – С.12.
2. Декрет «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» //СУ РСФСР. – 1918. - №62. – Ст.674.
3. Декреты советской власти. - М.: Политическая литература, 1957. - Т.1. - С.133.
4. Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в законодательство РСФСР в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов».
5. Киндеева Е.А. Государственная регистрация прав на объекты незавершенного строительства // Недвижимость и инвестиции. – 2001. - №1 (6). – С.18.
6. Вагин В. Социология города. - М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – С.143.
7. Бугай Н.Ф. Л.Берия - И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». - М., 1995. - С.5.
8. И.Сталин - Л.Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии /Сост. Н.Ф.Бугай. - М., 1992. - С.253, 254.
9. Информационный центр Управления внутренних дел Алтайского края. - Арх. 287. - Д. 1. - Л. 18.
10. 26 февраля 1944 г. Нарком НКВД издал приказ за №00183 «О порядке выдачи паспортов спецпереселенцам», согласно которому переселенцам, прибывшим в места расселения с паспортами, в графе «Особые отметки» делалась запись: «Разрешено проживание в пределах района такой-то области (края)» (Подробнее см.: Информационный центр Управления внутренних дел Новосибирской области. - Ф.19.- Оп.1. - Д.12.- Л.10.
11. Bater J. H. The soviet city: ideal and reality. London : Edward Arnold. 1980. p.42.
12. Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы //Журнал РААСН «Academia». - № 4. – 2006. – С.9).
13. Народное хозяйство СССР в 1960-е -70-е годы: Статистический справочник. - М., 1971. - С.43.
14. Экономика и жизнь. - 1995. - № 42. –С.53.

S. Kamolov

THE STATE HOUSING POLICY AS THE POLITICAL TOOL IN BUILDING OF THE NEW SOCIETY IN RUSSIA

Abstract: In article the housing subsystem of the Russian society, many decades functioning on the basis of absolute domination in it of institute of the state maintenance thanks to what the state has

provided to itself positions of exclusive distribution of habitation in a society is considered. Actually housing policy in the Soviet and Post-Soviet Russia was and remains the political tool of the official pow-

er exploited in it.

Key words: social policy, the housing policy, building and habitation distribution, monopoly, «military communism», «thaw», «stagnation», corruption.

УДК 323.1

Муканова А.С.

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕНЫ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»*

Аннотация. Статья рассматривает советскую национальную политику с точки зрения ее влияния на формирование взглядов о понятиях, прежде всего, «нации» и соответственно «национализма». Эти феномены вызывают достаточное количество споров и дискуссий в исследовательском сообществе. В советское время при крайне непоследовательной национальной политике в государстве сложилось понимание национализма в резко негативном ключе, а нация понималась как последняя стадия в развитии, данная в трехчленной формуле (племя-народность-нация), наделенная соответствующими неотъемлемыми признаками.

Ключевые слова: нация, национализм, советская национальная политика.

Феномены «нация» и «национализм» являются сложными для объяснения понятиями, вызывающими споры в научном сообществе. Дискуссии ведутся по вопросам генезиса, момента зарождения и типологии, а также по вопросу их существования и сущности. В западной исследовательской литературе доминирует употребление термина «nation» в смысле «state», но нельзя сказать, что полностью изжита противоположная тенденция: понимать нацию не только как политическое сообщество, но и культурно-этническое, чему находит подтверждение уже в российских работах по данной проблематике. Другим серьезным водоразделом в литературе о нациях и национализме является их понимание в качестве объективных, или же субъективно-объективных явлений. Сторонники примордиалистского подхода трактуют нацию и национализм как объективно существующую реальность, формирующуюся и/или существующую независимо от воли людей, вследствие объективных факторов. Следовательно, национализм, если оценивать его негативно, – это нечто вроде стихийного бедствия, которое трудно кон-

тролировать. Есть другой подход, сложившийся в рамках конструктивизма и инструментализма, где «нация» – это «воображаемое сообщество» либо символическая категория, изобретенная для реализации интересов определенной группы лиц. Но в рамках этой статьи мы на этих подходах останавливаться не будем, т.к. нам важно продемонстрировать тот факт, что советская национальная политика повлияла на упрочение позиций примордиализма в его социо-историческом варианте в нашей стране со всеми последствиями для современной этнонациональной ситуации в целом.

Распад Советского Союза повлек за собой всплеск интереса к проблемам «национального». Процессы становления и укрепления новых государств, в том числе и России, были связаны не только с политическими и экономическими трансформациями, но и с произошедшими изменениями в сфере массового сознания: советская идентичность сменилась на гражданскую идентичность новых независимых, суверенных государств. Подобные изменения напрямую касаются процесса строительства нации. Поиск национальной идеи в середине 1990-х гг. был достаточно интенсивен, его актуальность была обусловлена всплеском сепаратистских тенденций, сопровождавшихся апелляцией к этничности как способу мобилизации населения. Создание национальной идентичности – особого национального «мы» – связано с национализмом, на основе которого осуществляется процесс государственного строительства.

В постперестроечный период все больше исследователей обращается к национальной проблематике периода Советского Союза. В 1996 г. вышел коллективный труд по обзору новейших исторических исследований в России, который содержит статьи по «национальной» тематике [1]. После этого появился еще ряд обзорных и критических работ, которые дополняют сложившуюся картину исследований [2]. С теоретико-методологической точки зрения, подавляющее большинство отече-

* © Муканова А.С.